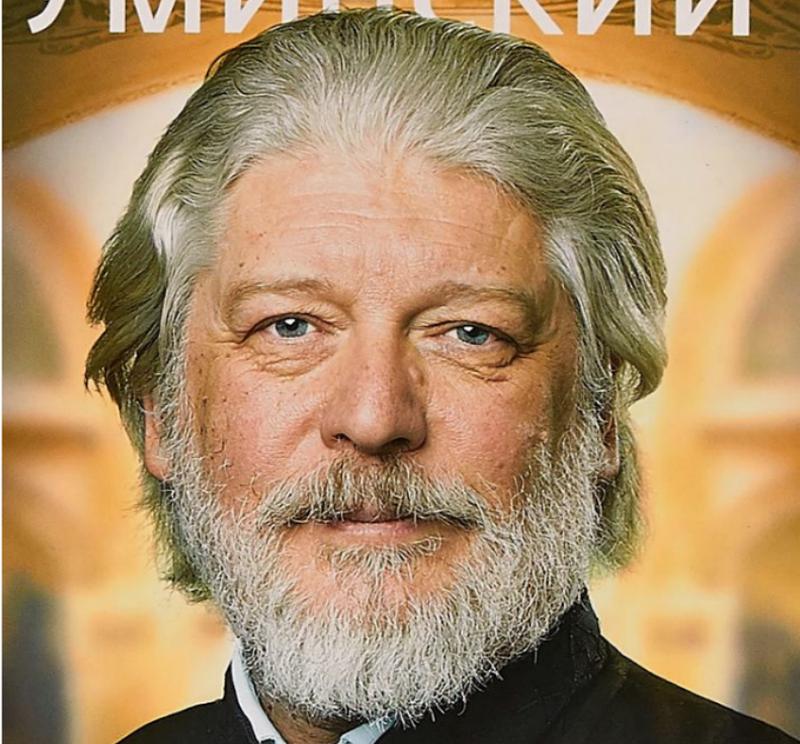

ПРОТОИЕРЕЙ

Алексей УМИНСКИЙ

Что я хочу
от Бога

Книга о живой вере

протоиерей
Алексей Анатольевич Уминский
Что я хочу от Бога.
Книга о живой вере
Серия «Радостная серия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36620657

*Что я хочу от Бога. Книга о живой вере. / Уминский Алексей,
протоиерей: Никея; Москва; 2018
ISBN 978-5-91761-851-7*

Аннотация

В этой книге объединены три бестселлера издательства «Никея» – три книги протоиерея Алексея Уминского «Что я хочу от Бога», «Что я хочу от Церкви» и «Основы духовной жизни». Три очень важные темы выстраиваются в последовательное введение в осмысленную христианскую жизнь, Построенная от простого к сложному, книга затрагивает широкий круг тем: от первых вопросов на пути к вере и Церкви – до осознанной духовной жизни. Известный проповедник, публицист и духовник вместе с читателем ищет ответы на самые непростые вопросы сокровенной жизни. Отец Алексей не призывает нас заучивать поведенческие нормы, но ставит вопрос о смысле

жизни христианина и показывает примеры не формальной, а живой и радостной веры в Бога.

Содержание

Предисловие	6
Что я хочу от Бога	9
Освобождает ли теория эволюции от ответственности быть человеком?	9
О лестнице, ведущей на Небо	13
Жажда истины или мечта о протекционизме?	17
А где же Бог?	20
Как в бушующем море не перепутать спасательный круг со спасительным берегом?	23
Что я хочу от Церкви	33
Место, где раздают дары. О том, чего мы ищем, приходя в храм, и что получаем на самом деле	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Протоиерей Алексей Уминский Что я хочу от Бога

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС12-208-0641 («Что я хочу от Бога»)

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви ИС 13-314 -2148 («Что я хочу от Церкви»)

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС 12-201-0039 («Основы духовной жизни»)

Предисловие

Дорогие читатели!

Перед вами – замечательная книга протоиерея Алексея Уминского. Тема ее – Господь, Церковь и наша духовная жизнь.

По-настоящему верующий человек знает, как широк горизонт церковного мира, как много аспектов, оттенков, радостных открытий, но и вопросов, проблем включает в себя церковная жизнь, и потому-насколько неполными и фрагментарными могут оказаться самые добросовестные попытки с ходу и однозначно ответить на такой несложный, казалось бы, вопрос: что такое Церковь?

Зачастую вместо серьезного и глубокого разговора на эту тему нам предлагают всякого рода инструкции: соблюдай некоторые правила – и станешь человеком «церковным». Или наоборот: не делай того-то, отрекись от другого, третьего, десятого – и сможешь «по праву» именоваться христианином. В результате человеку, ставящему вопрос о природе Церкви, бывает не просто найти ответ, который был бы одновременно и доступен ему, и в то же время не страдал бы однобокостью.

Протоиерей Алексей не пытается упростить задачу своего читателя, не призывает заучить набор поведенческих норм, но ставит вопрос о смысле жизни христианина.

Представления о Церкви очень разнообразны. Взгляд со стороны часто рисует ее некой организацией полувоенного типа, со своим служебным уставом, дисциплиной. Нередко она представляется своеобразным «полем чудес», где эти самые чудеса щедро раздаются за скромное вознаграждение. И та, и другая точка зрения представляет Церковь как некое здание: в него можно, когда понадобится, войти, из него можно выйти. Но это только видимость. Рассуждая так, мы бы упустили из виду самую мистическую природу Церкви. Ведь на самом деле она есть таинство, которое, как любое таинство, требует сопричастности себе, а вовсе не мимолетного, по временам, вхождения-исхождения.

Это непросто понять с ходу. Разум наш человеческий хотел бы объяснить себе и каждому раз и навсегда, где есть внешнее, а где внутреннее в этом таинстве, найти четкое определение для Церкви, положить ей предел, но – нет, не может, отступает. Отступает в изумлении, заставляя рассудок бежать с поля битвы за понимание церковной природы. Если только ему претит довольствоваться теми плоскими определениями, которые приложимы к армии, но не к Телу Христову.

Если мы обратимся к новозаветным посланиям апостола Павла, в которых учение о Церкви Нового Завета раскрывается полнее всего, мы не найдем ничего похожего на четкие определения.

Так, апостол Павел называет Церковь Телом Христовым,

полнотой Наполняющего все во всем¹. Если мы честно (и мужественно!) постараемся понять эти слова, то, прежде всего, изумимся: а как это возможно – все во всем? Можно ли дать определение такой Церкви, присвоить внешние или внутренние признаки этой полноте?

Такая Церковь – Небо на земле.

Но первое, что зачастую бросается нам в глаза, – это не Небо, а земля. Мы видим землю и ужасаемся: «Это надо же так измараться! Где же здесь Небо?!» Но я скажу: и хорошо, что нет у нас сейчас простого и однозначного ответа. Потому что Небо надо искать, надо быть в пути. Быть в Церкви земной, которая недаром еще называется «странствующей».

В Церковь нужно верить, и тогда только на самом деле мы сделаемся способными увидеть ее истинную силу и красоту. Свидетельством об этом и является книга отца Алексея.

Доброго вам чтения, читатели!

*Протоиерей Сергей Овсянников (1952–2018),
настоятель Свято-Никольского храма,
г. Амстердам, Голландия*

¹ См.: Ефес. 1: 23.

Что я хочу от Бога О лестнице, ведущей на Небо

Освобождает ли теория эволюции от ответственности быть человеком?

Впервые осознав себя существом мыслящим, человек не может не задаться вопросом: существует ли Бог? Этот вопрос начинает волновать его еще в детстве и не утрачивает своей актуальности ни в юности, ни в зрелости, ни в преклонном возрасте. Чрезвычайно важно, чтобы ответ на него был найден, в противном случае человек теряет свое человечество, теряет самого себя.

Наш мозг устроен таким образом, что непрерывно ищет ответы на вопросы, которые ставит перед ним жизнь, несмотря на иногда очевидные и исчерпывающие гипотезы, которые может предложить ему современная наука. Человек не может поверить, что он произошел от обезьяны, что Вселенная образовалась в результате какого-то колоссального взрыва и существует уже в течение многих миллиардов лет...

Однако суть вопроса о существовании Божиим отнюдь не сводится к желанию познать технологию творения. Человеку нужно совсем другое. Ему важно знать, что Вселенная со-

творена и управляется Существом мыслящим и чувствующим. Речь идет именно о насущной потребности ощутить присутствие живого Творца и Промыслителя, при этом все дискуссии о роли эволюции в появлении тех или иных форм жизни отходят на второй план, поскольку, по сути, не имеют никакого смысла.

Действительно, на нашу нынешнюю жизнь никоим образом не влияют представления о том, как она зародилась, есть ли у нас общие предки с современными приматами или мы созданы из той горсти земли, о которой говорит Библия. Все это не имеет значения, поскольку никак не может изменить нас.

Мы такие, какие есть, такие, какими стали. Когда именно возник окружающий нас физический мир – примерно семь с половиной тысяч лет назад, как это следует из библейского подсчета, или его возраст перевалил за шестьдесят миллиардов, не вызывает особого интереса у человека, нашедшего для себя ответ на главный вопрос: «Есть ли Бог?» Все остальное – лишь удовлетворение довольно праздного любопытства, если только речь не идет об ученых, занимающихся этой проблематикой профессионально. Мотивация естествоиспытателей понятна. Погружаясь в научные изыскания, они постигают мир и в процессе этого постижения опять-таки не могут не ставить перед собой вопрос: почему вообще стало возможным его существование?

Впрочем, человек может удовлетвориться ответами, ле-

жащими на поверхности, и решить, что теория «большого взрыва» и рассуждения об эволюционном пути развития освобождают его от необходимости задумываться о Боге. Вот это уже по-настоящему очень и очень страшно! Такой человек, по существу, отказывается от своего истинного предназначения и начинает заботиться лишь о том, как бы прожить эту быстротечную жизнь как можно более комфортно, избежав любых неприятностей. Во главу угла при этом начинают ставиться физическое здоровье, социальное положение, карьерный рост и материальное благосостояние. Все эти мотивации носят сугубо инстинктивный характер. Если человек отказывается от Бога, от высочайшей и безусловной ценности, доступной исключительно ему, он отказывается и от человечества в себе, выстраивая свое поведение на уровне высокоразвитого животного. По сути, он отказывается от размышлений, отказывается от боли, отказывается от страдания и в конечном итоге отказывается от любви.

Человек мыслящий не может удовлетвориться простыми объяснениями. Допустим, наша вселенная возникла в результате «большого взрыва». А что было до него? И кто этот взрыв осуществил? Иногда дети спрашивают: «А что было до того, как появился Бог?» Им следует объяснить, что Господь был всегда, потому что Он и есть вечность, вечно живущее Существо.

Некоторые готовы согласиться с тем, что «там», пожалуй, все же «что-то» есть. Но «что-то» не может обладать душой,

ему не свойственны мысли и чувства. Это – всего лишь природа, совокупность стихий и физико-химических законов. К тому же не теряет своей актуальности и вопрос о Создателе этой самой природы.

Следующий этап в духовном развитии: над нами находится не «что-то», а «Кто-то». Но если речь заходит о Существом мыслящем, у человека возникает естественное желание познать это Существо, определить для себя Его основополагающие свойства. Вопросы эти не оставляют человека на протяжении всей его жизни, он непрестанно ищет ответы на них, хотя порой заблуждается и уходит далеко в сторону. Однако в любом случае он не может не сознавать: этот «Кто-то» бесконечно разумен, бесконечно силен, бесконечно творчески богат. Все, что мы видим вокруг: мир животный, мир растительный, мир неба, земли, воды и огня, – совершенно не случайно, все оказывается взаимосвязанным. Кроме того, мироздание неимоверно сложно, потому что каждая росинка несет в себе свой Космос, при этом оно очень гармонично и необыкновенно прекрасно. Мы не можем не прийти к выводу, что такая красота не могла быть создана без любви. Человек и сам не в силах сотворить без любви что-либо прекрасное. Но если любви Творца хватило на целый мир, то ее не может не хватить на человека.

О лестнице, ведущей на Небо

Размышляя над этими вечными вопросами, мы обращаемся к книгам, посвященным бытию Божию. Таких книг немало во всех религиях. Для иудеев это Тора, или Пятикнижие, для христиан – прежде всего, Новый Завет, для мусульман – Коран, для исповедующих индуизм – Упанишады. Человеку важно понять, что в его знаниях о Боге безусловно соответствует истине, а что следует отнести к людским толкованиям, по определению не свободным от искажений.

Часто можно услышать вопрос: «Почему люди всякий раз говорят о своем видении Бога, о разделяемом именно ими учении о Нем как об истине в последней инстанции?» Однако дело в том, что в противном случае религия будет представлять для нас лишь историческую, философскую и эстетическую ценность, потому что люди, доверившиеся ее основополагающим принципам и догматам², должны быть уверены: они движутся в правильном направлении!

Но чьи суждения о Боге в большей мере соответствуют истине? Почему, например, нам следует верить именно христианским проповедникам, а, скажем, не проповедникам мусульманским?

² *Догмат* (др. – греч. δόγμα, δόγματος – «мнение», «решение», «постановление») – утвержденное высшими религиозными инстанциями положение вероучения, не подлежащее сомнению.

По каким критериям мы судим друг о друге? Как можем определить, что вот этот человек ни за что не подведет нас в трудную минуту, а от другого следует держаться подальше?

Если мы внимательно присмотримся к тому, как проявляли и проявляют себя религии в этом мире, то нам поневоле придется и удивиться, и ужаснуться, поскольку окажется, что исторически все религиозные системы небезупречны, ни одна из них не была свободна от ханжества, агрессии и жестокости. Они вдохновляли и благословляли многочисленные религиозные войны, нередко унижали человеческое достоинство и оправдывали самые неприглядные проявления греховности, например, рабовладение, кастовость или деспотию, и даже столь омерзительные преступления, как религиозный или этнический геноцид.

Однако при этом мы не можем обойти вниманием главную сторону религии. Блаженный Августин (354—430) полагал, что это слово восходит к латинскому глаголу «religare», что в переводе на русский язык означает «воссоединять». Таким образом, религия – это возобновление когда-то нарушенного союза между человеком и Богом. Ее можно сравнить с лестницей, ведущей от земли к Небу, предоставляющей человеку спасительную возможность подняться над собой, возвыситься над собственным несовершенством.

Если мы посмотрим на веру с такой точки зрения, то придем и к другим рассуждениям. Бог действительно прекрасен и мудр, Он действительно воплощает в Себе любовь, но

каким образом эти качества могли реализоваться на земле? Только через людей, которые пытались эту любовь, красоту и мудрость осознать.

Мы не перестаем поражаться тому, сколько потрясающих свидетельств любви, красоты и гармонии оставили после себя христианское богословие, наука и искусство. Обратившись к письменности, мы увидим, что большинство литературных шедевров, созданных за последние две тысячи лет, прежде всего, окрашены христианскими мотивами. Если рассмотрим творчество величайших композиторов, то убедимся, что и оно обращено к Богу. То же самое относится к архитектуре и живописи: все самое возвышенное и прекрасное оказывается плодом именно христианского осмысления мира, осмысления мира через Священное Писание, через Ветхий и Новый Завет, но, прежде всего, через Четвероевангелие.

Многие религиозно-философские системы возводят человека на высочайшую ступень развития, но какими бы прекрасными и удивительными ни казались нам экзотические культуры Ближнего, Среднего или Дальнего Востока, они волнуют нас, прежде всего, в той степени, в какой отражают евангельское понимание проблем.

Поднимаясь по незримым ступеням духовной лестницы, которую мы называем религией и которая связывает человека с Богом, а землю – с Небом, мы встречаемся с самыми разными людьми, оказавшимися способными стать Людьми в

самом высоком смысле этого слова. Мы увидим вокруг себя святых, о жизни которых нам доподлинно известно. Можно долго перечислять имена этих великих подвижников, сумевших настолько приблизиться к Господу, что их жизнь превратилась в отражение Божественного света, в отблеск Божественной любви. Видя на их лицах, по слову одного из христианских проповедников, «сияние вечной жизни», мы в очередной раз убеждаемся в том, что выбранный нами путь оказался верен, что он непременно приведет нас в тот «город золотой», о котором так проникновенно поется в одной замечательной песне...

Как только человек начнет задавать себе вопросы о Боге, Господь непременно услышит его и пошлет ему ответы, единственно верные именно сейчас. В этот миг Бог стучится в наши сердца и начинается наше таинственное узнавание своего отечества, своего родства и своих корней. Тогда начинается наш уже вполне осознанный путь к Богу, и нам становится по-настоящему понятно, что Творец вечен, бесконечен, невидим и непостижим, что Он всемогущ и вездесущ, всеобъемлющ и милосерден, что в нем находится источник истинной свободы и Жизни Вечной.

Жажда истины или мечта о протекционизме?

Пожалуй, нет такого человека, который не нуждался бы в вере, однако важно понять, в какие формы эта потребность облекается. Она очевидна и является прирожденным свойством человеческой природы, независимо от того, догадываемся мы об этом или нет, хотим или не хотим знать об изначальном предназначении своего бытия.

Человек не может жить без веры, так же как не может существовать без удовлетворения биологических потребностей: он должен дышать, пить, есть и одеваться, защищаясь от холода, то есть поддерживать в себе жизнь. Но даже люди неверующие едва ли скажут, что воздух, вода, пища и теплая одежда – единственное, в чем человек нуждается. Даже самые убежденные атеисты, всячески пытающиеся внушить себе, что человек мало чем отличается от животного, прекрасно понимают, что речь может и должна идти об отличиях кардинальных.

Одним из таких отличий, во-первых, является способность верить, а во-вторых, настоятельная потребность в вере. Однако эта потребность реализуется по-разному и зависит от бесконечного множества факторов: от воспитания, от условий жизни, от окружающей культурной среды и много-многого другого...

Если вера для человека естественна, то рано или поздно он неизбежно начинает верить в Бога, причем поначалу его упование вполне может быть расплывчатым, абстрактным, языческим или даже оккультным. Но это все-таки – поиск запредельного, определяющийся, прежде всего, категориями добра и зла, правды и лжи, чести и бесчестия. И уже на втором месте стоят (по крайней мере, должны стоять!) понятия сохранности, защиты, протекционизма, – когда кто-то хранит и оберегает человека, когда кто-то его в этом мире слышит, кроме него самого. Это уже иной, мистический план веры, но главное в ней заключается в неизменных вопросах: «Кто же я такой?», «Что такое добро и зло?», «Где пролегает грань между правдой и ложью?».

Мы видим, что даже людей падших, составляющих криминальные сообщества, все равно волнует проблема выбора между добром и злом. Даже для преступного мира характерны поиски правды, пусть и весьма своеобразно понимаемой.

В конечном итоге поиски высшей правды, являющейся эталоном, жажда истины, помогающей каждому найти путь к себе, и становятся для человека объектом веры. Люди, не пришедшие к Богу, ищут эту правду в иных категориях. Это не обязательно должно быть какое-либо философское учение или какая-то политическая программа, но тем не менее даже в социальных отношениях каждый сам для себя формирует некий «кодекс правды», некий «эталон справедливости», на который человек так или иначе вынужден опираться.

ся.

Избранный эталон может быть ложным, дурным, абсолютно неприемлемым с нашей точки зрения, но все равно он присутствует в любых человеческих сообществах: даже в первобытных общинах, в диких людоедских племенах. Такой кодекс может не совпадать с религиозными верованиями, как это, например, бывало у древних греков, потому что этика язычника-эллина доминировала над его религиозными представлениями. Однако в этом и заключались поиски Бога. Когда этические категории были четко сформулированы христианством, когда в мир пришел Спаситель, язычество сразу же отступило на второй план и многие язычники обратились к Нему.

А где же Бог?

Вера для человека естественна. Но далее наступает личная ответственность, начинаются поиски собственного пути, за которыми стоят труд и постоянное беспокойство, потому что человек, живущий в вере, не может пребывать в бездумном благодушии. Вера – путь крайней обеспокоенности и недоверия к себе, к окружающим и даже к Самому Господу, ведь не секрет, что человеческие представления о правде и справедливости частенько не совпадают с тем, что человек думает о Боге.

То, с чем мы сталкиваемся сейчас: кровавые теракты, разрушительные землетрясения и цунами, техногенные катастрофы и эпидемии, уносящие жизни сотен тысяч ни в чем не повинных людей, – заставляет многих в отчаянии вопрошать: «А где же Бог?» и «Куда же Он смотрит?». Эти вопросы нельзя назвать праздными или риторическими, потому что тревога и даже недоверие к Господу – тоже определенный этап на пути веры. Найдем или не найдем мы ответы на эти животрепещущие вопросы, зависит от каждого из нас. Именно от человека зависит, обретет ли он в конечном итоге своего Бога или остановится на полдороге и горько вздохнет: «Дальше я идти не в силах, потому что путь не очерчен, а внятных, внушающих безусловное доверие ориентиров нет...»

В поисках Бога многие из нас действительно формируют для себя некую «промежуточную правду», дарующую лишь мнимое спокойствие и внушающую ложную уверенность в том, что мы безусловно правы, в отличие от других, «неправых». Мы нередко разделяем ближних на тех, кто «с нами», и тех, кто «против нас». Безусловно, так жить удобнее, но есть и такие люди, которые на своем пути к Богу не делят окружающих на «своих» и «чужих». Следовать по этому пути куда сложнее, порой он даже небезопасен, но именно такой подход делает нашу жизнь истинной, а нас самих – открытыми для Господа.

Замечательный датский философ-христианин Серен Кьеркегор (1813–1855) определил понятие веры таким образом: «Путь к Богу крайне ненадежен, но всегда проходим». Человек изначально страшится этой «ненадежности», ищет все новых подтверждений верности избранного пути, стремится опереться на что-то, а саму веру пытается превратить в некий фундамент, в основание и идеологию. Однако настоящая вера в этом человеку не помощница...

Апостолу Павлу принадлежит простое и в то же время многими совершенно не понятое определение: *Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом* (Евр. и: 1). Сложно быть уверенным в вещах невидимых, поэтому человек хочет сделать свою веру зримой, осязаемой, стремится загнать ее в жесткие житейские рамки. Такое представление о вере тяготеет к материализму и определяется,

скорее, Хартией прав человека – безусловно, очень хорошей, весьма близкой к сущности веры, но все-таки не являющейся ею самой. Это – мучительный поиск правды, но правды ощутимой, видимой, которую можно всем предъявить и при помощи которой так легко определить: со мною ты или против меня? Ты за мою правду или ее не разделяешь?

Искаженное представление о вере неизбежно ведет к расколу мира. Нередко мы видим, как люди искренние и чистые демонстрируют примеры высочайшего героизма в стоянии за правду, но при этом полностью отрицают саму возможность веры в Бога. Один из таких безусловно бескорыстных людей, немецкий мыслитель Фридрих Ницше (1844–1900) провозгласил: «Бог умер», – а коль скоро так, то все стало другим и отныне люди обязаны, как боги, являть правду в себе самих и яростно сражаться за нее. Это – тоже определенный путь веры, и многие готовы пойти за такую веру на жертвы и даже погибнуть, сделавшись мучениками в глазах своих сподвижников и последователей.

Как в бушующем море не перепутать спасательный круг со спасительным берегом?

Существует и другое явление: у религиозного человека появляется искушение превратить свои упования в несокрушимую скалу. Таких людей мы называем фундаменталистами. Их фундаментализм заключается в том, что они стремятся обратить веру в свод жестких правил, незыблемых традиций и суровых законов.

Жить в категориях «можно – нельзя», пребывать в определенном церковном, религиозном, богослужебном круге – само по себе бесконечно хорошо, ценно и необходимо. Вера формирует культуру, именно она делает мир прекрасным и наполняет его бессмертными образцами, потому что человек выражает свои духовные переживания посредством видимых знаков, которые, в конечном итоге, и составляют высокое искусство. Однако мы должны отдавать себе отчет в том, что ни вековые традиции, ни своды законов и правил, ни даже христианское богослужение с его великолепным строем, с текстами удивительной высоты, чистоты и содержательности ни в малейшей степени не сопоставимы с абсолютной ценностью веры.

Едва человек проникается духом церковных традиций и

представлений, входит в круг правил утренних и вечерних богослужений и постов, его жизнь становится весьма надежной, удобной и комфортной. Человек уверяется в том, что от всех напастей его безусловно страхует этот спасательный круг. Беда лишь в том, что в таком случае ему уже некуда идти, не к чему больше стремиться, а значит, он перестает следовать за Христом. Человек успокоился и почил на лаврах, посчитав, что нашел ответы на все волновавшие его прежде вопросы и вычислил «формулу спасения». Но той веры, о которой говорит апостол Павел – *«уверенности в невидимом»*, у него, увы, больше нет...

«Ненадежный» путь веры, которого, однако, следует придерживаться, демонстрирует апостол Петр, обращаясь ко Христу: *«Господи! Если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде»* (Мф. 14: 28). Всем нам следует отрешиться от своей самости, от своего эгоизма и безоглядно следовать за Христом.

Истинная вера не похожа ни на что, это – уверенная «ходьба по невидимому».

Человеческая натура тяготеет к тому, чтобы то и дело получать недвусмысленные и исчерпывающие ответы на любые, пусть даже самые праздные вопросы. Оглядываясь на двадцатилетний опыт жизни нашей возрождающейся Церкви, мы видим, что ныне ее во многом составляют люди без религиозных традиций, люди, лишённые церковных корней, люди, которым вера не передалась по наследству. Нам, сегодняшним христианам, надлежит обрести некую точку опо-

ры. Многие обрели ее, прежде всего, в следовании традиционному церковному кругу, существовавшему задолго до нас, но отнюдь не в Евангелии, хотя, как справедливо заметил выдающийся богослов В.С. Соловьев (1853–1900), в христианстве самое ценное для нас – это Сам Иисус Христос.

К сожалению, сейчас в христианстве мы куда более ценим иное: выстраивание церковного круга заново. Споры нет: богослужебный круг, строгое соблюдение постов, внутрицерковная дисциплина, наука молитвы, аскетическая традиция, церковный календарь – все это необходимо для нашей жизни. Следование правилам постепенно делает правильными и нас самих. Мы искаженные, мы дурные, мы пришли в Церковь отягощенными опытом совершенно иной жизни, и поэтому единственное спасение для нас в традициях, апробированных тысячелетиями, которыми жили наши предки, которыми спасались наши святые. Мы хватаемся за эти традиции, как за спасательный круг, но этот круг должен не просто помогать нам барахтаться в бушующем море, но, прежде всего, вести ко Христу. Однако если сам круг как таковой представляется нам залогом спасения, возникает серьезнейшая духовная проблема.

Христос решительно обличал фарисеев – уважаемых и даже почитаемых людей. Кто такой фарисей? Это человек, нашедший ответы на все вопросы. Ему не надо никуда идти, он уже нашел спасение на земле. Пришествие Христа ему, по большому счету, и не нужно – у него и так все есть. Однако

Христос пришел не для праведников, а для грешников. Тот, кто все уже нашел, впредь ничего искать не будет. Тот, кто всего достиг, уже никуда не пойдет, он будет лишь хранить и приумножать ранее приобретенные сокровища. У христианина же вообще не может быть никакого богатства: *Блаженны нищие духом...* (Мф. 5: 3) – говорит Господь. Истинные христиане никогда не успокоятся: им все время надо искать прибежище, стучаться во все двери и просить. А куда идти тому, кто благополучен, кто всех может наставить, кто досконально изучил Священное Писание и знает о Боге «абсолютно все»?

И нас фарисейство может легко довести до беды. Мы в упоении включаемся в околоцерковную борьбу и начинаем биться лбами: что предпочтительнее – юлианский или григорианский календарь? Русский язык или язык церковнославянский? Служить ли нам с открытыми Царскими вратами или все-таки закрывать их? Неожиданно все это становится для нас, христиан, наиважнейшими жизненными проблемами! При этом мы как-то совершенно упускаем из виду, что призваны идти за Христом, и если мы этим путем следуем, то все прочее отступает на задний план и становится несущественным, не имеющим никакого отношения к нашему спасению. Зато, если человек не следует за Господом, обсуждать столь «животрепещущие» вопросы очень даже интересно, потому что иначе попросту нечем будет заняться, исчезнет основание для «борьбы с еретиками и неверными».

Мне менее всего хотелось бы, чтобы у читателя сложилось впечатление, будто бы церковная жизнь, в моем представлении, есть только бесконечное хождение по кругу. Богослужение и церковные традиции – действительно спасательный круг, о чем я уже говорил. Но эта немаловажная функция далеко не исчерпывает всех задач Церкви. Церковь – нечто совершенно удивительное, до конца необъяснимое и великое явление.

Я не стану приводить богословские формулировки, многие из которых современному человеку могут показаться совершенно непонятными. Для прагматично настроенных людей Церковь является местом, где можно совершить тот или иной обряд. Никто не умаляет роли Церкви в этом, ведь все мы считаем необходимым венчаться, крестить своих детей и отпевать усопших родственников. Однако не следует забывать: хотя все перечисленное безусловно важно, но обряды располагаются далеко не на переднем плане нашего духовного бытия.

В Церкви совершаются *Таинства*, а не оказываются «ритуальные услуги»! Церковь – не биржа и не супермаркет; здесь ничего невозможно купить, тут все происходит по совершенно иным законам. Однако людям, далеким от церковной жизни, этого подчас не втолковать. Мы-то думаем, что, заплатив, непременно получим что-то взамен, к тому же сторицей, – попросту не можем не получить! Форма товарообмена, даже если речь идет не о материальных, а о душевных

ценностях, нас вполне и безоговорочно устраивает. Мы давно привыкли существовать в этих координатах и чувствуем себя в них вполне уверенно. Например, я купил свечу, подал записку и тем самым приобрел для себя право быть услышанным Господом. Однако если написанное мною имя не прозвучало на молебне, значит, ничего и не произошло...

На самом деле для того, чтобы принять дар Божий, нет никакой необходимости вносить наличность в кассу. Деньги – лишь условная форма пожертвования, причем пожертвования добровольного. Для того чтобы принять дар Господень, нужно лишь иметь свободные от авосек руки. Человек призван не уронить этот дар в грязь. Дары

Божии тяжелы и горячи. Прикоснувшись к ним, немудрено и обжечься...

Вспоминается такой случай. Одна из моих прихожанок, которую я знаю в течение многих лет, однажды не на шутку обиделась. «Батюшка, – посетовала она, – я давеча была в храме. У моей дочери экзамен в университете, вот я и подала записку на молебен преподобному Сергию Радонежскому, а ее так и не прочитали... Я отправилась за свечной ящик, чтобы спросить, почему это случилось, а служительница мне сказала: мой молебен, дескать, будет отслужен завтра. А зачем мне завтра, если экзамен уже сегодня? Может, мне самой акафист почитать?»

Я ответил ей: «Неужели ты думаешь, что преподобный Сергей работает с девяти до шести с перерывом на обед, а

потом прекращает прием молебнов до следующего утра, за вычетом выходных и отпусков? У него нет и не может быть часов приема! Ты принесла свою нужду, свое сердце в храм – Богу и преподобному Сергию. Чего же ты боишься? Где твоя вера? Перестань бояться, и все будет хорошо!»

В данном случае у моей прихожанки сработал накрепко впечатанный в мозг стереотип: все должно происходить именно так, как от века заведено в светских учреждениях, иное недопустимо. Очень многие воспринимают все происходящее в Церкви – и Таинства, и обряды, как одну из форм товарно-денежных отношений. Считают, что хоть это товар и несколько иного рода, но он тоже должен быть оплачен и доставлен потребителю на дом в жестко оговоренный срок.

Порой случаются и курьезы. В какой-то епархии член Общества охраны прав потребителей подал на Церковь в суд из-за того, что, по его мнению, некий покойник был отпет «ненадлежащим образом». В результате судья принял поистине анекдотическое решение: он оправдал епархию и священника, заявив, что покойный не выразил никаких неудовольствий по поводу «оказанных ему услуг»...

К величайшему сожалению, размышляя о значении Церкви, люди порой не знают о ней самого главного. Храм – это место, где Господь щедро раздает людям Свои драгоценные дары. Причем речь в данном случае идет не о здоровье, благополучии, счастье или успехе – то есть вовсе не о том, о чем человек обычно заботится прежде всего. В Церкви Господь

дарует нам *дар Сыновства*.

В моем понимании, Церковь, по сути, существует ради едва ли не единственной цели: сделать нас хоть в какой-то мере похожими на Христа. Нигде, кроме Церкви Божией, нам этого сделать не удастся. Церковь – именно то поистине благодатное место, где мы по-настоящему встречаемся с Господом.

Разумеется, человек может встретить Бога где угодно. Но если такая благодатная встреча происходит, она означает лишь одно: Иисус Сам устремляется к нам навстречу! Господь ищет нас и наконец-то находит, тогда как нам, неразумным, все время кажется, будто именно мы «обрели Бога»... При этом не следует забывать: Спаситель находит человека только тогда, когда тот сам желает быть найденным. А после этого уже сам человек должен прийти к Богу с чистым сердцем, сделавшись для Него совершенно открытым и восприимчивым. Ведь не секрет, что люди зачастую мечтают получить от Господа лишь то, что им нужно сейчас, а все остальное, как им кажется, их нисколько не касается...

Бессмертная сентенция Христа: *Все Мое – Твое, и Твое – Мое* (Ин. 17: 10) – оказывается ключевой, если человек дерзновенно продирается сквозь тернии навстречу Богу и оказывается способным повторить Ему эти слова. Вот тогда-то и начинается совершенно иная жизнь, именно тогда Господь может даровать человеку способность измениться и преобразиться настолько, чтобы уподобиться Ему.

Напомню лишь два хрестоматийных примера. Зашел как-то раз в Божий храм князь-воя-ка, известный женолюб, охотник славно погулять и крепко выпить, без счета казнивший своих подданных, впрочем, и миловавший их направо и налево. Вскоре он сделался равноапостольным князем Владимиром, выпускавшим на волю преступников, боявшимся кого-то покарать понапрасну... Пришла в Церковь отъявленная блудница и вдруг стала святой Марией Египетской...

В сущности, Церковь для того и существует, чтобы каждый из нас, получив в ней любовь Христову, Его Таинства и благодать Духа Святого, воспринял эти великие дары со словами: «Все мое – Твое, Господи!» Когда человек способен сказать такое Господу, тогда и Спаситель отвечает ему: «Все Мое – твое!»

Нередко спрашивают: каким должно быть наше богословие – прогрессивным или, наоборот, охранительным? В моем представлении все богословие сводится лишь к тому, следует человек за Господом или нет. Но следует отдавать себе отчет в том, что идти за Христом, не обладая подлинным мистическим опытом, не умея различать духов (1 Ин. 4: 1–3; 1 Кор. 12: 10), не храня трезвости и без знания важнейших истин, очень и очень опасно: ведь ты ищешь Бога, Которого не видишь! Господь апофатичен, то есть заведомо непостижим. «Идти туда, не зная куда» – занятие по меньшей мере рискованное. На этом пути тебя будут подстерегать и твоя гордыня, и твое тщеславие, и твои ложные представле-

ния, и всевозможные бесовские искушения. Потому-то и заблудиться труда не составит. Богослужебный круг, святоотеческая традиция – дорожные знаки, свет, освещающий наш путь, и все равно этот путь по-прежнему останется по-российски извилистым и ухабистым. На этом пути все мы совершаем ошибки и то и дело забредаем в тупики, из которых потом подолгу выбираемся. Однако самое страшное – остановиться и удовлетворенно вздохнуть: «Ну, наконец-то дошел! Теперь все хорошо, и больше мне беспокоиться не о чем!..»

Что я хочу от Церкви О христианстве и «духовном потреблении»

Место, где раздают дары. О том, чего мы ищем, приходя в храм, и что получаем на самом деле

«Зачем ходить в храм?» Предложить исчерпывающий ответ на этот часто задаваемый вопрос невозможно, потому что тайна Церкви неизреченна.

Церковь видится многим из нас, включая и тех, кто давно уже ходит в храм, неким местом, в котором можно получить то, что нигде больше мы не получим. В этом случае вопрос о целесообразности пребывания в Церкви разрешается на первый взгляд весьма просто. В самом деле, ни в каком другом месте нельзя окрестить ребенка, отпеть усопшего родственника, получить Божие благословение на брак, заказать молебен или освятить воду. Собственно говоря, именно за этим люди и ходят, а вернее, приходят в храм...

К величайшему сожалению, подавляющим большинством наших современников Церковь воспринимается в качестве

некоей организации, функционирующей исключительно ради того, чтобы удовлетворять «религиозные запросы населения». По сути, речь идет о псевдодуховном потребительстве. Человек пытается выстроить свои отношения с Богом по принципу: «Я прошу Тебя о чем-то, Ты исполняешь мои просьбы, а я за это готов сделать то-то и, наоборот, не поступать так-то». По существу, взаимоотношения с Господом выстраиваются на сугубо контрактной основе.

Этот псевдоюридический и даже коммерческий подход берет свое начало в очень давних временах, являя собой образ языческого отношения к неведомому и свидетельствуя о детском уровне сознания человечества. Бог тогда не осознавался Личностью, а воспринимался лишь в качестве неукротимой и грозной силы, которую следовало каким-то образом задобрить и постараться привлечь на свою сторону. Эта сила требовала регулярных жертвоприношений, принимавших самые различные формы, от невинных и даже трогательных, вроде подношения горсточка риса или цветка лотоса, до душераздирающих кровавых жертв, характерных, например, для верований цивилизации майя.

Однако языческий тип отношения человека к Богу вполне может существовать и в рамках христианской культуры под видом исполнения религиозных обрядов. Суть дела от этого не меняется. Человек рассматривает Церковь как место, где, совершив какие-то предписанные действия, можно получить определенную прибыль. Причем, как правило,

речь не идет о вещах нематериальных, духовных, ради которых и живет Церковь. Напротив, люди искренне полагают, что именно в храме у божества (в данном случае используем для написания этого слова лишь строчные буквы!) можно выпросить то, что мы обычно желаем друг другу на Новый год или в день рождения: крепкого здоровья, успехов в труде и счастья в личной жизни. Собственно говоря, ни о чем ином многие попросту не задумываются. Разве только, чтобы зарплату повысили...

Все это легко объяснимо и никакой загадки не представляет: когда жизнь не клеится и трещит по швам, когда рушатся отношения с родными и близкими, когда не удается свести концы с концами или если раз от разу нам хочется все большего и большего, как глупой и жадной старухе из сказки А.С. Пушкина, когда человек серьезно заболевает и чувствует, что врачи бессильны ему помочь, тогда он пытается заключить договор с божеством в рамках той культуры, в которой воспитан. Такое происходит и с христианами, и с мусульманами, и с представителями других религий. «Я заплатил за молебен о здоровье такую-то сумму и столько-то отдал за свечи, – думает человек. – Значит, это непременно подействует!» И тут все должно быть «по-честному», причем понятие «честность» трактуется с языческой точки зрения. Получившее пожертвование божество оказывается просто «обязанным» исполнить все наши пожелания.

Если в языческом мире какое-то божество не отзывалось

на жертву, если жертва оказывалась принесенной «впустую» и не действовала, то человек имел полное право отвернуться от этого «неблагодарного» божества и обратиться к другому. Существовали целые пантеоны богов, так что выбор оказывался весьма широким. . .

Однако то, что было простительно, например, древним египтянам, эллинам или римлянам, непростительно нам, современным христианам. Ведь в этом *случае* Церковь в нашем сознании неизбежно превращается в своеобразный «комбинат духовно-бытовых услуг», в котором, согласно Закону о защите прав потребителей, все оплаченные услуги должны быть оказаны качественно, в срок и в полном объеме.

Подобное отношение может распространяться даже на Святые Таинства, совершающиеся в храме, если человек воспринимает их в качестве предмета торга или мены.

Люди придумали материальный эквивалент духовным ценностям, и эквивалент этот, как водится, оказался деньгами. . . В результате главным местом храма для многих стал не алтарь, где совершается самое важное (поскольку то, что там совершается, большинству присутствующих непонятно, а вследствие этого и не очень интересно), а свечной ящик! Именно вокруг него кипит жизнь в церкви, именно там происходит все «самое интересное». Именно там тебе могут что-то доходчиво объяснить, о чем-то рассказать и куда-то направить, именно там человек узнает, к какой иконе следует приложиться, какому святому в каком случае следует мо-

литься, где поставить свечку «за здравие», где – «за упокой», сколько стоит сорокоуст...³ К несчастью, именно лишь удовлетворение таких запросов становится средоточием и смыслом храмовой жизни для огромного количества людей.

Однако, когда мы начинаем относиться к вере глубже и серьезнее, образ Церкви как «комбината по обслуживанию религиозных потребностей населения» перестает нас устраивать; исполнение установленных правил без глубокого понимания их смысла не дает ответов на самые существенные, самые важные наши вопросы. Осознав это, человек вполне может задуматься: «А зачем мне вообще нужна Церковь? Мне не нужна святая вода: я могу и без нее обойтись. Мне не нужно подавать какие-то записки: я и сам помолюсь. Зажгу ли я свечу перед иконой в храме или лампадку у себя дома – разница невелика. Мне не нужно от Господа ничего внешнего, потому что если я по-настоящему верю в Бога, то могу и без Церкви, самостоятельно сказать Ему самые главные слова, почитать Его Святое Евангелие и понять, как мне следует жить. Зачем же тогда мне Церковь?»

Этот вопрос надо почаще ставить перед собой и неустанно искать на него ответ. Потому что ответ есть. Но поиски его придется начинать издалека.

В нашей Церкви до сих пор существует порочная практика оплаты молебнов и даже некоторых Таинств. Слава Богу,

³ *Сорокоуст* — ежедневное молитвенное поминовение в течение сорока дней в Русской Православной Церкви.

сейчас положение улучшается. Открытость Церкви по отношению к человеку начинает превалировать, приходя в соответствие с евангельскими словами: *Созвав же двенадцать, дал силу и власть над всеми бесами и врачевать от болезней, и послал их проповедовать Царствие Божие и исцелять больных* (Лк. 9:1–2).

Дар Духа Святого священники обретают через благодать рукоположения. Это дает людям возможность примирения с Богом посредством Таинства покаяния. Они могут креститься и получить благодать Святого Духа в Таинстве крещения и миропомазания, получить благодатный дар любви в Таинстве венчания. Это – бесценные дары Божии, о которых Христос говорил Своим ученикам: *Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте* (Мф. 10: 8).

Полное и глубокое осознание Церковью этих слов Спасителя, несомненно, поможет множеству людей, не воспитанных в христианских традициях, чуждых церковной культуре, чья религиозность, по сути, интуитивна, а следовательно, неизбежно тяготеет к язычеству. В противном случае у такого человека могут возникнуть претензии к Церкви, как, например, к ресторану, где его плохо накормили. В другой раз он просто туда не придет, а заглянет куда-нибудь по соседству или будет ориентироваться на отзывы, выложенные в Интернете. Но мы не выбираем Церковь по Интернету, мы отправляемся в ближайший открытый храм и ожидаем, что

там нас встретят с искренней любовью.

* * *

На самом деле в Церкви ничего нельзя купить по одной простой причине: Церковь – это место, в котором *раздаются дары*. Не гуманитарная помощь, не заказы или спецпайки, а именно дары Христовы. Здесь не надо выстраиваться в очередь, занимать места заранее, не нужно прорываться в какие-то VIP-зоны. Господь не требует, чтобы за это Ему платили, ведь нельзя заплатить за милость Божию, за Его любовь, за возможность быть услышанным и прощенным. Никакими деньгами нельзя расплатиться за то, что ты соединишься со Христом!

Вот только дары Божии не похожи на то, что нам так хотелось бы приобрести. На какое-то время, пока это действительно необходимо, Господь может даровать нам и счастье, и здоровье, и благополучие, но вообще-то в мир Он пришел вовсе не за этим. Внимательно вчитываясь в Евангелие, человек неожиданно для себя узнает, что ничего подобного Спаситель никому не обещает. Какие же дары мы с вами в таком случае можем получить от Бога и желаем ли мы этих даров на самом деле? Или от Господа мы всегда хотим получить лишь то, в чем, по нашему представлению, нуждаемся в данный момент, по принципу: «Дай мне то, что я хочу получить сегодня, а дальше в мою жизнь не вмешивайся, ко

мне не стучись и не докучай мне»)?

Вездесущий Господь слышит человека везде и не обязательно заходить в храм, чтобы быть услышанным. И в летящем самолете, и в глубокой шахте, и в подводной лодке, и в тюрьме, и на заморском курорте Бог услышит его, потому что Он пребывает рядом с человеком всегда и везде. Вопрос следует ставить иначе: Господь-то тебя слышит, а вот слышишь ли ты Его? Действительно ли ты жаждешь расслышать голос Божий или, если твои потребности удовлетворены, то тебе и желать более не о чем?

Если это так, если христианин не задается вопросами: что значит слышать Бога, идти к Нему, что значит жить по вере? – то для него церковь действительно делается лишь «местом торговли», а бóльшая часть происходящего в ней – непонятным и скучным. Но если эти вопросы все же ставятся, то постепенно приходит осознание того, что Господь встречает в церкви человека вовсе не для того, чтобы тот заказывал Ему молебны, не для того, чтобы тот ставил свечи перед иконами. В церкви Бог дарует нам Самого Себя, а это – нестерпимый, тяжелейший, невозможный для каждого отдельного человека дар. Это великое Таинство совершается только в церкви и больше нигде, потому что церковь – обитель Божественных даров и то единственное на земле место, где люди могут эти дары принять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.